

Ю.А. Лабынцев

Поэтическая автобиография Хрисанфа Саковича: детство и отрочество¹

Хрисанф Сакович (1833–1897), будущий священник и иеромонах – один из тех одаренных духовных писателей XIX столетия, произведения которого до сих пор широко распространены в православной среде, по большей части, правда, анонимно. Имя его, к сожалению, в силу целого ряда причин со временем оказалось почти забыто, а вот многочисленные стихотворные произведения в массе различного рода перепечаток и совершенно неисчислимого количества рукописных списков распространялись и до сих пор распространяются среди всех восточнославянских народов, живущих на огромной территории Европы и Азии, а также в кругу их диаспор в разных частях света.

Хрисанф родился в потомственной священнической семье о. Иоанна Саковича в довольно большом старинном волынском селе Святец² в 1833 г.³ Егомать Дарья также происходила из потомственной полесской священнической семьи, Савлучинских. Отец Хрисанфа, выпускник Волынской духовной семинарии 1821 г., был уроженцем села Подберезье Владимирского уезда⁴, где священником служил дед Хрисанфа Онуфрий Сакович. Родной брат отца Хрисанфа, Ипполит Сакович, окончивший Волынскую духовную семинарию в 1829 г., церковнослужителем не стал⁵. Мать Хрисанфа скончалась совсем молодой, когда ему исполнилось всего шесть лет. На исходе своей жизни он сам так вспоминал об этом:

Иеромонах Христофор (Хрисанф Сакович)

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-04-00238-15 «Всему православному миру: поэтическое наследие Хрисанфа Саковича (исследование и публикации)»)

²Ныне село Святец Теофипольского района Хмельницкой области Украины.

³Щавинская Л. Сочинения о. Хрисанфа Саковича в белорусских богогласниках XIX – XXI вв. // Kalba ir tarpkultūrų komunikacija. 1 dalis. Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2009. P. 6163; Она же. Иеромонах Христофор (Сакович) и его произведения как часть народной православной литературы // Традиции и современность. 2011. № 11. С. 93 – 96.

⁴Ныне село Подберезье Гороховского района Волынской области Украины.

⁵Теодорович Н.И. Волынская духовная семинария: История первоначального устройства ея и подведомственных ей духовных училищ. Пochaев, 1901. С. 393.

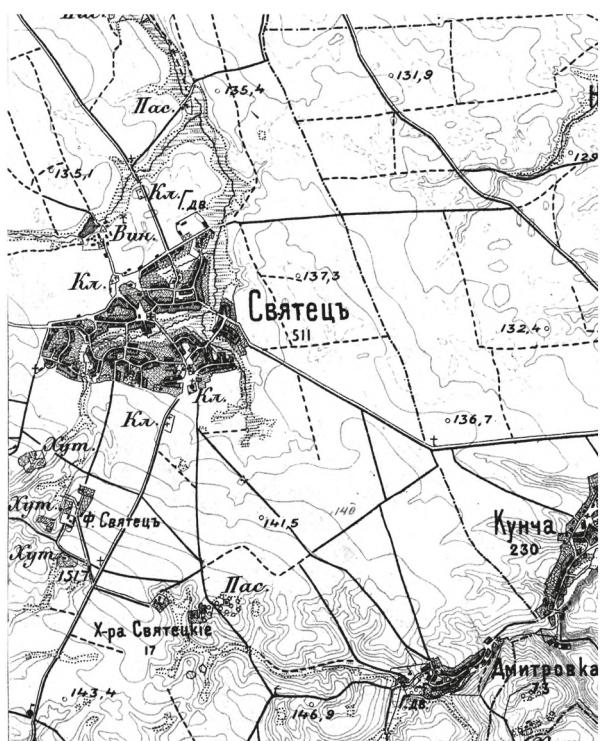
«Боже, помоги мне вспомнить
О полвеке прошлых лет,
Так как скоро я предстану
Пред Тобой давать ответ,
Много я событий помню
В жизни пройденной моей:
Мало было дней отрадных,
Много горя и скорбей.
В раннем детстве я лишился
Матери моей родной
И остался шестилетним
Одиноким сиротой.
Мой отец, священник вдовий,
Так ужасно тосковал,
Что о мне, сиротке бедном,
Он невольно забывал»⁶.

Священнические обязанности отца Хрисанфа, настоятеля местной святецкой Рождественской церкви, были весьма обширные. Его приход, один из самых значительных в округе, требовал постоянного внимания, которого так не хватало юному Саковичу. Отцовская забота часто вынужденно ограничивалась в основном религиозным воспитанием и первоначальным обучением чтению, причем, видимо, на нескольких языках, в том числе и польском. Так что первоначально для Хрисанфа, родным языком которого был местный волынский говор, и кириллица и латиница одновременно становились своеобразными «вратами учености», тем более, что и в домашнем архиве и в архиве Рождественской церкви имелись многочисленные рукописные документы, отображенные этими письменами. Было в этой церкви и немало старопечатных кириллографических книг, в основном львовских, а также «рукописная общая минея 1757 года неизвестного труженика»⁷. В церкви стояла икона св. Онуфрия пустынножителя в киоте, внизу которого имелась стихотворная надпись, гласящая о погребении в здешнем деревянном храме, возведенном в 1712 г., его устроителя шляхтича Василия Стебельского с женой Пелагией:

«Аще хочешь члче, кто зде лежитъ, знати,
Что есть о немъ писано, изволь прочитати.
А то чтуще усумлись мыслячи о смерти,
Же ѿ ты когдась мусишь, якъ ижъ умерти:
Вспомянувши себѣ, что сей видить нынѣ,

Придеть на тя не вѣси, въ которой годинѣ
Василій тутъ Стебельскій со Пелагіею
Суще погребенныи съ женою своею.
Ты въ свѣтѣ семь живши труждахуся зѣло,
Дабы сей храмъ Господенъ быль сооружень цѣло.
Нынѣ молять, хто будетъ зде литургисати
Имена вышъ реченныхъ хтій припомнинати
Тихъ зде лежащихъ Христе всели со святыми
Въ небесныхъ избранными чертозѣхъ Твоими
Молять тя читателю мало потрудися
О спасеніи душъ ихъ Богу помолися.
Гды стануть предъ Богомъ близъ имена тей
Дольше тебѣ въ семь свѣтѣ упросять житie.
Anno Dni 1734»⁸.

Эту стихотворную эпитафию бесспорно можно считать одним из первых поэтических текстов, с которыми познакомился Хрисанф Сакович на родном книжном языке. Впрочем, после кончины матери, основными его воспитателями, по словам самого Хрисанфа, становится домашняя прислуга в доме отца:

Село Святец на топографической карте (XIX в.)

⁶ Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Народная литература белорусско-русского пограничья. М., 2009. С. 122–123.

⁷ Теодорович Н.И. Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. Т. 3: Уезды Кременецкий и Заславский. Пochaев, 1893. С. 294.

⁸ Там же. С. 292–293.

«В сиротстве на воспитанье
Прямо в кухню я пошел
И там в обществе прислуги
Воспитателей нашел.
А прислуги было много:
Помню старых дедов двух
И убогих, бесприютных
Двух болезненных старух.
Остальные слуги были
Все из молодых крестьян,
Парней, девушек и женщин,
Нашей церкви прихожан.
Между ними был и мальчик,
Пастушок телят, ягнят,
Предо мною этот мальчик
Очень много виноват:
Он был первый мой учитель,
Он меня стал обучать
Бестолковому искусству
У отца все воровать.
Сатанинские уроки
Я успешно проходил:
Брал отца родного вещи
И учителю носил.
Он меня всегда за кражу
Похвалами награждал
И потом уж постепенно
Красть и деньги убеждал.
Но когда я научился
Деньги в шкафе воровать,
Чтоб мальчишке за науку
По секрету передать,
То чуть жизни не лишился
В этот памятный мне час.
Я за полку ухватился,
Шкафик накренил, я стал,
И чрез две иль три секунды
Он бы на меня упал.
Но Господь, Отец всех сирот,
Сам меня чудесно спас.
С той минуты я боялся
Деньги в шкафе воровать,
Но других вещей отцовских
Не страшился тайно брать.
За успехи воровские
Он желал мне угодить:
Из своей вонючей трубки
Дозволял табак курить.
И когда я отвращался
От зловония сего,
Он доказывал упорно,
Что на свете ничего

Нет приятнее и лучше
Как табак всегда курить,
Спать и ничего не делать,
Только есть, гулять и пить.
Этим пагубным урокам
Я усерднейше внимал
И весь яд их и зловонье
В сердце сиротском слагал.
И легло внутрь, в основанье,
Это зло в душе младой,
Но никто о том не ведал,
Даже сам отец родной»⁹.

Молчаливое детское созерцание в храме, раздумья, стояние у креста, наконец, ощущение заступничества и руководства высших сил помогли одержать в сердце Хрисанфа «верх над посажденным злом», о котором знал лишь «наш Спаситель всеблагой»:

«Он тогда же в детском сердце
Водрузил Свой крест Святой.
С той минуты завязалась
В сердце тайная борьба,
И концом борьбы решилась
Вечная моя судьба.
И борьба упорно длится:
Полстолетья прожил дней,
И сильнее становился
В годы старости моей.
Твердо помню: в нашей церкви
Против клироса стоял
Крест с распятым Иисусом.
Этот крест меня спасал.
Я, взирая на распятье,
Задавал себе вопрос,
Кто Он, этот муж распятый?
Я не знал, что Он Христос.
Помню детским взором часто
Я рассматривал Его,
И на сердце мне ложилась
Скорбь лишь больше от того,
Что с главы Его склоненной
Много крови истекло
И на выю, и на рамо,
И на бледное чело.
Кровь Христова мне казалась,
В этот час из ран текла
И невольно красным цветом
Детский взор к себе влекла.
Я всегда с участьем в сердце
На распятие смотрел

⁹ Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Народная литература... С. 123–124.

И всегда Его, Страдальца,
В глубине души жалел.
И за это то участье,
И за детскую любовь
Пожалел Христос сиротку:
Взял меня под свой покров.
Под Святым распятьем этим
Крест другой большой лежал,
И к кресту народ жидовский
Сына Божья пригвождал.
А внизу под сей иконой
Окровавленный Христос,
Весь измученный, согбенный,
Тяжкий крест на раме нес.
Крестоносца окружало
Много женщин и мужей,
Пеших, конных и военных,
Тож старейшин и князей.
Я на эти три иконы
Чаше взор мой обращал
И в невинном детском сердце
Жалость к Спасу ощущал.
Это чувство одержало
Верх над насажденным злом
В детском легковерном сердце
Хитроумным пастушком.
Приношу Тебе, Спаситель,
Благодетель всеблагой,
Благодарность с похвалами
Любящей Тебя душой.
Ты мне милости желаешь
От начала до конца
И родного заменяешь
Благодетеля отца.
Преблагословен и славен
Буди ныне и во век,
Иисус Христос, Сын Божий,
Дивный Богочеловек.
А на правой стене в церкви
Привлекал к себе взор мой
Детский образ незабвенный
Богоматери Святой.
Я смотрел всегда с любовью,
Рассуждая не шутя,
Как оно блаженно было
Это доброе дитя.
В лилии оно сидело,
Опираясь на венец,
А цветок в руках держали
Мать родная и отец.
Я не знал тогда, кто это,
Но смотреть на них желал

И особенно к младенцу
Детский взор свой обращал
А младенец этот добрый
На меня и сам смотрел
И оставленного всеми
Сироту весьма жалел.
Он с любовию святою
К людям руки простирал
И Своим всесветлым взором
Детский взор мой привлекал
Так Мария Богоматерь
Мне являла благодать,
Лишь оставили сиротку
Мой отец родной и мать»¹⁰

Помимо Рождественской церкви, где служил отец Хрисанфа, в большом волостном селе Святец имелась еще одна церковь, Преображенская, в которой с 1839 г. настоятельствовал о. Ксенофонт Савлучинский – близкий родственник по материнской линии, происходившей из восточной части Украинского Полесья, из древнего г. Овруча. Случилось так, что рукоположение о. Ксенофона и его назначение в Святец, северную часть которого занимал его приход, совпало со временем кончины матери Хрисанфа, урожденной Савлучинской. И у нее и у отца Хрисанфа, младшего сына в их семье, имелись многочисленные родные, одна из которых сыграла поистине роковую роль во всей дальнейшей судьбе мальчика, роль, оцененную им много позднее так:

«Место мамы заступала
Наша сродница одна;
Мне казалось, что жалела
Искренно меня она.
Только мне не говорила
Никогда священных слов
И лишь внешне выражала
Материнскую любовь.
Но когда отец наш умер,
Эта сродница тотчас,
Правом пользуясь хозяйки,
Обокрала сирот нас.
Получив о том известье,
Я и плакал и рыдал
И злосчастнейшую тетку
За врага тогда считал.
Но теперь я промысл Божий
В этом деле признаю:
Бог лишил меня богатства
И тем спас всю жизнь мою.

¹⁰ Там же. С. 124–125.

Получивши много денег,
Я предался бы мечтам
И зловредным развлеченьям,
И погибельным делам.
Потому Христос дозволил
Наши деньги унести
Нашей сроднице воровке,
Чтоб меня от бед спасти»¹¹.

Представленный почти сам себе в весьма трудный для отца период потери супруги малолетний Хрисанф после смерти матери жил практически среди домашней прислуги, сплошь состоящей из местных крестьян, которые оказали на мальчика большое влияние:

Акварель Т.Г. Шевченко с видом Почаевской лавры (1846 г.)

«Больше года после смерти
Матери моей родной
Я жил в кухне средь прислуги
Нашей доброй и простой.
Зорким всматриваясь глазом
В поведенье сих людей,
Я невольно полюбил их,
Как родных и как друзей.
И они меня любили.
И жалели, кто как знал,
И никто из них сиротки
Никогда не обижал.
Все прихожане старались
Чем-нибудь мне угодить.
А старик Фома ходил к нам,
Чтоб мне сказки говорить.
Я Фому за эти сказки

Уважал и награждал,
И всегда его на кухне
С нетерпеньем ожидал.
Он мне приносил игрушки,
Кои сам и мастерил.
За игрушки эти крепко
Я Фому благодарил.
А с прислугой я сроднился
И всегда смотрел на них,
Как на любящих и добрых
Покровителей моих.
Помню, что в отцовском доме
Пономарь наш проживал.
Он весной однажды в вечер
Мне таинственно сказал:
“Знаете ли вы, панычу,
Что сегодня умер Бог?”
Я задумался об этом,
Но понять сих слов не мог.
То был лишь один священный.
Данный мне урок тогда.
Он остался незабвенным
В детском сердце навсегда.
Я теперь соображаю,
Что таинственный урок
Мне преподан был в Великий
И Святой страстной пяток.
Вот за эти-то услуги
Добрых и простых людей
Я лет 30 в разных селах
Был учителем детей,
А во Брыковском приходе
Мне в пяток умерший Бог
Научить Закону Божью
И старых людей помог.
Бог хранил меня в дни детства
От диавольских сетей,
От увечья, ран, болезней
И от множества смертей.
Раз на груше превысокой,
Много увидав плодов,
Я взобрался на вершину
И уж рвать их был готов.
Вдруг сухая преломилась
Ветка под моей ногой,
И я с страшной быстротою
Полетел вниз головой.
Опрокинув здесь стоявший
Улей с роем злых пчел,
Я в бесчувствие, забытье
Совершенное пришел.
Пчелы все меня обсели,

¹¹ Там же. С. 125.

Но, о чудо, ни одна
Из сих пчел, всех заедавших,
Не ужалила меня.
Пасечник, увидев это,
Осторожно рой собрал,
А меня водой холодной
Долго-долго отливал.
Бабушка одна простая
Препростой совет дала
Сыворотки влить мне в глотку.
И тем жизнь мою спасла.
Признаки вдруг оказались
Жизни, и я стал дышать,
Сердце тоже биться стало,
Но еще не мог я встать.
Как внесли меня больного,
Полумертвого в наш дом,
Как в постели положили,
Я не помню уж о том.
Только помню, что я утром,
Лишь проснулся, думать стал,
Где прекрасные те груши,
Что на дереве срывал.
Стал искать их под подушкой
Вдруг отец мой со врачом,
Нарочно ко мне прибывшим,
Подошли ко мне вдвоем
И заботливо спросили,
Не болит что у меня,
И чего ищу так рано
Под своей подушкой я.
“Ах, ищу я груш прекрасных,
Что на дереве срывал,
Я здоров, но где те груши?”
Так отцу я отвечал.
Мой отец с врачом сказали:
Если ты здоров, вставай.
Груш дадим тебе прекрасных,
Лишь побегай, погуляй.
Я, одевшись, помолился,
Побежал гулять на двор
И не чувствую болезни
От ушиба до сих пор.
Так Спаситель наш Распятый.
На Которого смотрел
Я во храме на иконе
И Которого жалел,
Пожалел меня взаимно.
Чудо надо мной явил,
Спас от ран отувечья
И от смерти сохранил»¹².

Школьные годы Хрисанфа совпали с периодом весьма заметных преобразований в деятельности духовных учебных заведений, прежде всего на землях, вошедших в состав Российской империи после разделов Речи Посполитой. Одновременно на этих землях шел и весьма осложненный процесс массового перехода местного духовенства и верующих из унион в православие. Осенью 1831 г. православной стала Почаевская обитель, бывшая с первой половины XVIII в. базилианским монастырем. Традиция посыпать детей церковнослужителей именно в духовные учебные заведения, усугубленная требованием Св. Синода обучать сыновей духовенства в них, способствовали поступлению Хрисанфа в 1842 г. в Кременецкое духовное училище, располагавшееся в г. Кременце¹³ на месте древнего православного Богоявленского монастыря, ставшего затем в первой половине XVIII в. базилианским. В годы школьных занятий Хрисанфа в училище (1842–1849) преподавание велось на русском языке, о чем особое попечение имел его смотритель П.М. Винницкий, сын православного священника с Черниговщины, выпускник Киевской духовно академии. Внутренняя бурсацкая жизнь к тому времени мало в чем изменилась и ее, как нельзя лучше, описал позднее сам Хрисанф Сакович:

«На восьмом году от роду
Я оставил дом родной
И вступил в мир, неизвестный
Мне доселе, в мир школьной.
Я пришел в оцепенение,
Как увидел близь дверей
В первом классе на коленях
Много школьников-детей.
Но когда вошел учитель
И велел их сечь лозой,
Я ужасно испугался
И хотел бежать домой.
Крик, и плачь, и вопль умильный
С раздеванием детей,
Визг, стонанье раздавалось
Жалостно в груди моей.
Холод пробегал по телу,
Как малюток предо мной
Повергали обнаженных
И казнили их лозой.
Мне от этого сеченья
Стали страшными в тот час
И ужасное ученье,

¹² Там же. С. 125–127.

¹³ Город Кременец ныне центр одноименного района Тернопольской области Украины.

И несчастный первый класс.
После этой детской казни
Всем учитель угрожал,
А детей, читавших плохо,
Он ослами называл.
Кто же свой урок исправно
И отчетливо учил,
То его учитель в классе,
В образец “ослам”, хвалил.
Вдруг я страшно испугался
Стал ни мертвый, ни живой:
Наш учитель, подошедши,
Грозно стал передо мной.
“Ты, вот, выучишь по книжке
Азбуку”, мне он сказал.
Я же так перепугался,
Что от страха трепетал.
Помню, что тогда была суббота.
Дух мой тосковал, скорбел;
И в квартире, и во храме
Я покоя не имел.
Скорбная картина в классе
Вся стояла предо мной.
С кровию детей избитых
И с большущею лозой.
Я все думал: в понедельник
И меня начнут уж бить.
Ведь не знаю ж я, как нужно
Эту азбуку учить.
В воскресенье, пообедав,
Дети вышли поиграть.
Я же сел под стогом сена.
Стал вслух жалобно рыдать.
Вдруг ко мне подходит школьник
Именем Иерофей,
Он меня тотчас утешил
В горести души моей.
Он мне азбуку по книжке,
“Буки – веди”, показал,
И через пять минут ученья
Я урок на память знал,
Потому что я и дома
Также азбуку учил,
Здесь же вдруг с Иерофеем
Наизусть всю повторил.
Стал тогда я веселиться,
С детьми бегать и играть,
Убежденный, что лозами
За урок не будут драть
Рано утром в понедельник
В 1-м классе я сидел
И внимательно на дело
Всех товарищей смотрел.
Бот, читает мальчик книгу
Со слезами на глазах.

А другой следит сурово
За ошибками в словах.
Вот тот больше предлагает
Авдитору пирожок
И из кармана вынимает
Булочки ему кусок.
Вдруг авдитор улыбнулся,
Нежно мальчику кивнул,
В благодарность за подарок
Нацарапал “зна” ему.
Вот, другой читая плачет,
Что авдитор зол, сердит,
Мальчика ослом ругает,
И толкает, и кричит:
Пирожка он не имеет,
И хотя урок свой знал,
Но ему “нез” записали.
Мальчик жалостно рыдал.
Дети разбрелись по группам,
Авдиторы их кричат,
Строго слушают уроки,
Сердятся, бранят, стучат,
Вдруг свершилось разделенье
Первоклассников детей,
И полкласа опустилось
На колени близь дверей
Цензоры все любовались
Прочностью плетеных лоз,
А коленники рыдали,
Источая реки слез.
Авдиторы же гудели,
Точно рой сердитых пчел,
Кто-то крикнул: тише, тише!
И учитель в класс вошел.
И опять до крови секли
Всех коленников лозой,
И опять класс наполняли
Детский плач и стон, и вой.
И опять на них учитель
Все сердился и кричал,
И ленивыми ослами,
Дураками называл.
Я сидел, как полумертвый,
И все ждал беды большой.
Наконец, я научился
Кое-как молитвослов
Медленно читать по слогам
И псалтырь, и часослов.
А историю святую
Наизусть я изучал,
Но лишь рано завтрак скушал,
Вдруг урок весь забывал.
Каждый день в великом горе
Утром в класс я приходил
И что с вечера знал твердо,

В классе наново учил.
От того я раздражался,
На свой разум нарекал,
Тосковал, скорбел, томился,
Часто плакал и рыдал.
Это странное забвенье
Продолжалось завсегда
Лишь в училище, где была
Мне великая беда.
В семинарии забвенье
Уменьшалось каждый раз
С переходом чрез два года
В высший и старейший класс.
Но рассудок развиваться
В богословском классе стал,
А доселе я предметы
Машинально изучал.
Это страшное забвенье
Нервным сделало меня,
И борюсь я сам с собою
До сегодняшнего дня.
А забвения причиной
Я считаю и считал
Тот ушиб головки детской,
Как на улей я упал.
Но теперь я промысл Бога
В этом горе признаю:
Он, ослабив мой рассудок,
Мудро душу спас мою,
Потому что все вниманье
Умственных духовных сил
На развитие чувств сердечных
Я всецело обратил.
И теперь уж не жалею,
Как в младых летах жалел,
Что способностей великих
Я к ученью не имел.
Опыт жизни полстолетней
Мой рассудок убедил,
Что не разум наш, а сердце
Выше всех духовных сил.
И за это убеждение
Бога я благодарю
И усердное моленье
Возношу Христу Царю.
В церкви мы всегда стояли
Правым боком к образам,
И полк женщин представлялся
Нашим взорам и глазам.
Мальчики на них смотрели
Из своих во храме мест
И в час службы избирали
В их среде себе невест.

А по выводе из церкви
Мальчуганы женишки
Рассуждали о невестах
И писали им стишки.
Но об этих помышленьях
Ничего никто не знал.
Впрочем, нравственных уроков
Нам никто не преподал.
В храме Божьем бедный мальчик
В страхе трепете стоял:
Регент нас ругал и в злости
За уши рвал и толкал.
Раз альты в концерте сбились
И всех сбили за собой.
Страшно вспомнить, как их регент
Стал ругать, казня лозой.
В Рождество Христово, в Пасху,
Несколько собрав грошей,
Получили мы конфеты,
Мед и пиво для детей.
А потом, из подражанья
Старшим, научились делать так,
Что прибавили к конфетам
И гольд-вассер, и табак.
О, соблазны старших певчих
Развращали нас, детей,
И ввергали неразумных
В бездну пагубных сетей.
Часто в сад они спускались
И на общую беду
Поздней ночью рвали фрукты
Во владыкином саду.
Были частые пирушки.
Раз один бас опьянел
И за то несчастный в полночь
Чрез окно в сад полетел.
Вообще от старших певчих
Мы терпели много зла:
Их вся жизнь соблазном страшным
Для детей малых была.
О других дурных поступках
Вспоминать не буду я,
Правосудный, Милосердный
Бог, Господь им судия.
Все обиды и соблазны
Бог им бедным да простит,
И детей всех беззащитных
Силой крестной да хранит»¹⁴.

¹⁴ Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Народная литература... С. 127–131.

Вид Почаевской лавры (фото второй половины XIX в.)

28 марта 1848 г. внезапно от инсульта умирает отец пятнадцатилетнего Хрисанфа, которому остался еще год до окончания духовного училища. Незадолго перед кончиной о. Иоанн Сакович решил уйти в монастырь, возможно, стать монахом Почаевской лавры. Этому резко воспротивился Хрисанф, узнав о намерении своего отца от архиепископа Никанора, который, видимо, был неплохо осведомлен о воспитанниках училища:

«Раз владыка наш Варшавский
И святитель Никанор
Проходил в свой сад под вечер
Осенью чрез певчих двор.
Мы его вдруг окружили,
Он же нас благословлял,
А меня благословляя,
Архипастырь так сказал:
“Твой отец уже монахом
В Лавру поступает к нам?”
Я же помню, что ответил:
“Нет, нет, он не будет там”.
Тотчас за перо я взялся
И к отцу вдруг написал,
Чтобы он не шел в монахи
И нас сирот не бросал.
Я писал: “Драгой родитель!
Вам нельзя детей бросать,
Если ж бросите, то будем
Все мы плакать и рыдать,
Потому что инок должен
От всей суэты мирской
Перед Богом отрекаться,

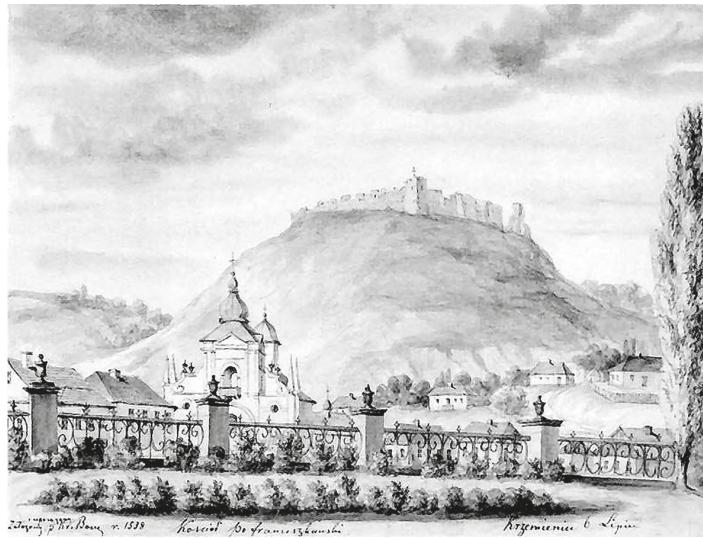
Даже от семьи родной.
Кто ж тогда нас воспитает,
Кто заступить нам отца,
Кто в училище поможет
Оставаться до конца.
Если ж вы, живя монахом,
Станете нам помогать,
То всегда свои обеты
Нужно будет нарушать”.
Мой отец, письмо читая,
Гневался, письмо бросал,
Вновь читал его со гневом
И мне часто угрожал.
Вдруг по целому приходу
Сталноситься слух такой,
Что прислал письмо отцеви
Скорбное их сын меньшой.
И когда отец мой умер,
Говорило все село,
Что мое письмо в могилу
Рано батюшку свело.
Но отец мой нагло умер
Не от этих детских слов,
А от скорби и печали,
И от тягостных трудов.
Выисповедав душ 200,
Вечером, прия домой
Весь усталый и разбитый,
Изнемогший и больной,
Он через несколько мгновений
Всильный обморок упал,
Помощи же медицинской
Не было, чтоб кто подал.
Этот обморок великий
Был смертельный, роковой.
Он и свел отца в могилу,
В мир загробный, на покой»¹⁵.

В детские и юношеские годы, практически с самого момента рождения Хрисанф оказывается связанным с глубоко укорененной народной традицией церковного пения, в том числе и околоцерковного, часто именуемого также паралитургическим, хотя все эти определения, конечно же, весьма условны. Область восточнославянской народной духовной поэзии, существующая многие века в устном и письменном вариантах со временем Средневековья и успешно развивающаяся по сей день, во второй половине XVIII в. оказалась в поле особого внимания почаевских базилиан, которые уже в 1770-е гг. начинают печатать эти произведения

¹⁵ Там же. С. 131.

в виде отдельных кириллографических сборников¹⁶. В начале 1790-х гг. в Почаевском монастыре они публикуют обширный разноязычный кирилло и латинографический свод подобных сочинений, содержащий несколько своеобразных пластов духовной поэзии как достаточно древней и еще доуниатской, так и вновь сочиненной, в том числе самими почаевскими базилианами, под названием «Богогласник»¹⁷. Эти книги, в том числе и почаевские «Богогласники» более поздних годов издания, широко разошлись не только среди духовных лиц, но и многих светских, включая грамотных крестьян. Так или иначе, в итоге книги эти в определенной мере поддерживали саму давнюю народную стихотворно-песенную традицию и одновременно сами поддерживались ею, способствуя укоренению целого ряда новых уже католических установлений на еще недавно православных территориях, лишь в первой половине XVIII в. перешедших в унию.

Наряду с рукописными списками околоцерковных народных песнопений, в том числе и еще доуниатской поры, эти книги наверняка были в доме Саковичей, а также не раз оказывались в поле зрения Хрисанфа во время учебы в Кременце. Учащиеся духовных учебных заведений, кстати, традиционно являлись той активной средой, которая культивировала процесс развития религиозной поэзии и околоцерковного пения. При этом они выступали не только трансляторами, но и создателями таких произведений. Подобное положение сохранялось многие годы XIX в. и касалось оно не только Волыни. Так, С.В. Булгаков вспоминал, что «питомцы наших духовно-учебных заведений, будущие служители Церкви, имели у себя рукописные сборники рождественских духовных песней (из так называемого «Богогласника») и распевали эти песни в праздник Рождества Христова»¹⁸. Волынь же всегда была и остается одним из центров развития и распространения народной духовной поэзии, к чему оказывались

Город Кременец в первой половине XIX в.
(акварель А. Бишбу)

и оказываются деятельно причастные не только многочисленные миряне, но и церковный клир, а также его будущее пополнение, в число которого уже в детские годы вошел Хрисанф Сакович.

Необходимо указать, что некоторые из тех духовных песен до сих пор очень популярны и постоянно переписываются на всем восточноевропейском пространстве, включая Россию. Пример тому, весьма любимая повсеместно старинная песнь «Кажуть люде, що я умру, а я хочу жити». Именно об этой песне полтора столетия назад писал такой знаток местных церковных обычаяв как православный священник профессор Андрей Хойнацкий (1837-1888), уроженец Волыни, воспитанник того же Кременецкого духовного училища, несомненно так или иначе знавший более старшего по возрасту Хрисанфа уже в период последнего года его занятий в училище. Профессор Хойнацкий считал песню эту истинно народной, подчеркивал, что «она по складу своему действительно представляет произведение народной фантазии»¹⁹. Он же видел необходимость в составлении собственного православного богогласника²⁰ и эта его мысль целиком разделялась теми учеными и духовными особами, которые были близки к Киевской духовной академии,

¹⁶ Пісні до Почаївської Богородиці: Перевидання друку 1773 року / Транскрип., комент. і дослідж. Ю. Медведика. Львів, 2000.

¹⁷ Богогласникъ:Пѣсни благоговѣнныѧ Праздникомъ Гдѣскимъ, Бгордичнымъ, и Нарочитыхъ Стыхъ чрезъ весь годъ приключающыся, и симже нѣкоторымъ Чудотворнымъ Иконаамъ служащыя, также различныѧ Покаянныѧ и оумилителныѧ содержащы. Собрانъ, по силѣ исправленъ, четырьми Частми шпредѣленъ, Тупомъ и Чертами Мусикіскими Напечатася и изобразиася. Въ... Лавръ Почаевской... Лета ... 1790.

¹⁸ Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Киев, 1913. С. 519.

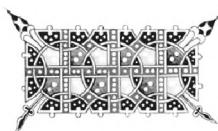
¹⁹ Хойнацкий А.Ф. Западнорусская церковная уния в ее богослужении и обрядах. Киев, 1871. С. 387.

²⁰ Там же. С. 389.

чым выпускником являлся о. Андрей Хойнацкий: «средство, подобное Богогласнику, было бы весьма благоразумным и полезным и для популяризации православия: оно много бы помогло народному сознанию и ознакомлению с чисто-православным учением и прочному утверждению в нем, помогло бы, во всяком случае, не менее, если не гораздо более, чем другие, существующие в церкви, средства вероучения христианского. Особенно же это следует сказать по отношению к настоящему времени, когда образованность мало по малу проникает в среду

народа Русского, когда, следовательно, народ в своей же среде всегда может находить проводников в свое сознание подготовленных для народа духовных песней, отличающихся строго православным характером и направлением; проводниками этими удобно могли бы служить грамотники, постоянно живущие в среде народа»²¹.

По прошествии некоторого времени к выполнению этой грандиозной задачи, но уже на выработанных им самим новых основах, приступил и Хрисанф Сакович.

²¹ Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Западнополесский православный богогласник // Традиции и современность. 2012. № 13. С. 71.